

very sincerely yours
Allan Quatermain

АЛЛАН КВОТЕРМЕЙН

Генри Райдер
Хаггард

СВЯЩЕННЫЙ
ЦВЕТOK

ЧУДОВИЩЕ
ПО ИМЕНИ ХОУ-ХОУ

ОНА И АЛЛАН

СОКРОВИЩЕ ОЗЕРА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
X 13

Перевод с английского
под редакцией Владимира Попова и Аллы Ахмеровой («Священный цветок»),
Кирилла Королева («Чудовище по имени Хоу-Хоу»),
Натальи Машкиной («Сокровище озера»),
Андрея Полошака («Она и Аллан»)

Составитель Александр Лютиков

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Иллюстрации Мориса Грайфенхагена (Maurice Greiffenhagen,
романы «Священный цветок», «Она и Аллан»),
Елены Шипицыной (романы «Чудовище по имени Хоу-Хоу»,
«Сокровище озера»)

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© К. М. Королев, перевод, 2018
© Н. В. Машкина, перевод, 2018
© А. С. Полошак, перевод, 2022
© Е. А. Шипицына, иллюстрации, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-16972-2

СВЯЩЕННЫЙ ЦВЕТОК

Глава I

БРАТ ДЖОН

Вряд ли человек, которому знакомо имя Аллана Квотермейна, связал бы его в своем представлении с цветами, особенно с орхидеями. Тем не менее мне, охотнику Аллану Квотермейну, суждено было однажды участвовать в поисках орхидей столь исключительных, что при описании их нельзя опускать подробностей. Я постараюсь обстоятельно рассказать об этих поисках, и если кто-либо впоследствии захочет издать мои записки, милости прошу. Случилось это в том году... впрочем, к чему нам знать, в каком именно году было дело? Случилось это очень давно, когда я еще сравнительно нестарым человеком участвовал в охотничьей экспедиции к северу от реки Лимпопо, граничащей с Трансваалем. Моим компаньоном был джентльмен по имени Скруп, Чарльз Скруп.

В Дурбан он приехал из Англии поохотиться. По крайней мере, это было одной из причин его приезда.

Другой причиной были его отношения с леди, которую я буду называть мисс Маргарет Маннерз, хотя это не настоящее ее имя. Кажется, они были помолвлены и действительно любили друг друга. К несчастью, они сильно повздорили из-за другого джентльмена, с которым мисс Маннерз протанцевала четыре танца подряд, включая два, обещанные жениху, на охотничьем балу в их родном Эссексе. Последовали объяснения, точнее, ссора. Мистер Скруп заявил, что не потерпит такого отношения от своей невесты. Мисс Маннерз ответила, что приказов не потерпит, мол, она сама себе хозяйка и намерена всегда оставаться таковой. Мистер Скруп воскликнул, что не возражает, поскольку его это не касается. Мисс Маннерз ответила, что после этого она больше не желает его видеть. Мистер Скруп заявил, что она не увидит его никогда, поскольку он уезжает в Африку охотиться на слонов. Мало слов — на следующий же день мистер Скруп покинул свой дом в Эссексе, не сообщив никому, куда именно едет. Позднее, много позднее выяснилось, что дожидись Скруп почты, то получил бы письмо, которое могло бы изменить его планы. Но он и его невеста были горячими молодыми людьми, вот в пылу страсти и наделали глупостей.

Итак, Чарльз Скруп приехал в Дурбан, который был тогда порядочным захолустьем. Мы с ним встретились в баре отеля «Ройял».

«Если хотите охотиться на крупного зверя, — говорил кто-то (я его не запомнил), — то только один человек может показать вам, как это делается. Это охотник Квотермейн, лучший стрелок во всей Африке, превосходнейший человек».

Я сидел, покуривая трубку, и делал вид, что ничего не слышу. Неловко слушать, когда тебя хвалят, а я всегда был человеком скромным.

Мистер Скруп пошептался с посетителями бара, потом подошел ко мне и представился. Я отвесил поклон и оглядел его: высокий, темноволосый, романтичный, как все влюбленные.

Я сразу почувствовал к нему симпатию, которая усилилась, когда он заговорил.

Я всегда придаю большое значение голосу и изначально сужу о людях столько же по нему, сколько по лицу. В голосе Скрупа чувствовалась особенная приятность, хотя слова, с которыми он обратился ко мне, были самыми обыкновенными.

— Здравствуйте, сэръ! — сказал он. — Выпьете со мной?

Я ответил, что днем крайне редко употребляю крепкие напитки, но охотно выпью с ним пива.

Допив пиво, мы отправились в мой маленький домик, в тот самый, где я впоследствии принимал друзей — Куртиса и Гуда. Поужинали мы у меня, и с этого момента Чарли Скруп не покидал мой дом до тех пор, пока мы не отправились в охотничью экспедицию.

Остальное я должен изложить вкратце, так как оно только отчасти связано с той историей, которую я намерен рассказать.

Мистер Скруп, человек состоятельный, взял на себя все организационные расходы и предложил мне воспользоваться всей слоновой костью и другой возможной добычей нашего предприятия. Я, конечно, не отказался от такого предложения.

Все шло хорошо до тех пор, пока наше путешествие не закончилось несчастьем. Мы убили всего двух слонов, но зато встретили множество другой дичи. Беда случилась на обратном пути, когда мы находились недалеко от залива Делагоа.

Как-то под вечер мы вышли на охоту, чтобы подстрелить себе дичь к ужину. Скоро я заметил среди деревьев антилопу. Она скрылась за выступом скалы, примыкавшей к склону оврага. Мы направились туда. Я шел впереди и, обогнув скалу, увидел антилопу, точнее, бошбока шагах в десяти от меня.

Вдруг из кустарника, растущего на вершине скалы, футах в двенадцати у меня над головой, послышался шум, потом возглас Чарли Скрупа:

— Осторожнее, Квотермейн! Он приближается.

— Кто? — спросил я раздраженно, так как шум спугнул антилопу и она убежала.

Вдруг у меня мелькнула мысль, что Скруп не стал бы кричать из-за пустяков, ведь, спугнув бушбока, мы лишились ужина. Я обернулся и посмотрел вверх. До сих пор я отчетливо помню, что представлялось тогда моим глазам. Надо мной был гранитный валун, обточенный водой, вернее, несколько валунов, в расщелинах которых рос папоротник рода *адиантум*, с серебристым отливом на внутренней стороне листьев.

На листе, свесившемся вниз, сидел большой жук с красными крыльями и черным туловищем, потиравший усики передними лапками, а выше, на самой вершине скалы, вырисовывалась голова великолепного леопарда. Записывая эти строки, я как сейчас вижу на фоне вечернего неба четырехугольную морду. На клыках пенилась слюна.

Это было последним, что я видел, так как в следующий момент леопард — в Южной Африке мы называем их тиграми — бросился мне на спину и сбил с ног. Я полагаю, что он тоже караулил бушбока и мне не обрадовался. К счастью, я упал на мягкий мох.

«Все кончено!» — подумал я, почувствовав на спине тяжесть зверя, прижавшего меня к земле, и, что еще хуже, его горячее дыхание. Еще миг, и острые клыки сомкнутся на моем горле. Потом я услышал выстрел Скрупа и яростное рычание раненого леопарда. Зверь, вероятно, решил, что это я его ранил, и вцепился мне в плечо.

Его зубы скользнули по моей коже, но, к счастью, захватили только прочный бархат моей охотничьей куртки. Зверь начал трясти меня, потом остановился, очевидно решив взяться за добычу покрепче. Тут я вспомнил, что у Скрупа одностволка и он лишен возможности выстрелить вторично. Я понял: мне конец. Почувствовал я не страх, а близость больших перемен. Не могу сказать, что мне припомнилась вся моя жизнь, но во всяком случае мелькнули два-три эпизода из детства. Так, например, я увидел, как сижу на коленях у матери и играю маленькой золотой рыбкой, которую она носила на цепочке часов.

Я пробормотал молитву и, кажется, потерял сознание, правда обморок длился всего несколько секунд. Когда я очнулся, моим глазам

предстало необычное зрелище: леопард дрался со Скрупом. Зверь стоял на одной задней лапе (другая была перебита), а передними буквально боксировал Скрупа, который колот его охотничьим ножом. Потом они повалились на землю — Скруп, а сверху леопард. Я вскочил со своего мшистого ложа — раздался сосущий звук, видно, место было топким.

Мое ружье лежало рядом в целости и сохранности, с взведенным курком, как и в тот момент, когда выпало из моих рук. Я поднял его и выстрелил зверю в голову, не дав ему схватить Скрупа за горло. Леопард рухнул замертво прямо на своего противника. Одно содрогание, одно судорожное сжатие его когтей на ноге бедного Скрупа, и все было кончено. Он лежал, будто спал, а под ним находился Скруп.

Освободить его оказалось непростым делом: леопард был очень тяжел. Но мне наконец удалось справиться с помощью сука, отломанного от дерева, должно быть, слоном.

Сук я использовал как рычаг. Скруп лежал весь в крови, в собственной или в звериной — неизвестно. Сперва мне показалось, что он мертв, но после того, как я плеснул на него водой из маленького ручейка, падавшего со скалы, он пришел в себя и пролепетал:

— Что со мной?

— Вы герой, — ответил я. Очень горжусь, что получилось в рифму.

Потом, дабы не провоцировать дальнейшие разговоры, я понес Скрупа в лагерь, который, к счастью, находился неподалеку.

Скруп безостановочно что-то бормотал. Правой рукой он обхватил меня за шею, я же левой держал его за пояс. Я прошел сотни две ярдов и вдруг почувствовал, что он потерял сознание. Нести раненого мне было не по силам, поэтому я оставил его и отправился за помощью.

В конце концов я с помощью кафров донес Скрупа на одеяле до палаток, где внимательно осмотрел его раны.

Он был весь исцарапан, но серьезными повреждениями можно было считать только прокушенные мышцы на левой руке и три глубокие царапины на бедре, нанесенные когтями леопарда.

Я дал Скрупу опийной настойки, чтобы он уснул, и, как сумел, перевязал его. Три дня все шло хорошо, и раны, казалось, начали заживать. Вдруг беднягу сразила лихорадка, вызванная, я полагаю, ядом с когтей или с зубов леопарда.

До чего же ужасной была следующая неделя!

Скруп весь горел и непрестанно бредил, особенно часто упоминанная мисс Маргарет Маннерз. Я старался поддерживать его силы —

поил крепким мясным бульоном, смешанным с небольшим количеством бренди. Увы, Скруп становился все слабее и слабее. Кроме того, у него загноились раны на бедре. От кафров толку было мало, и ухаживать за раненым в основном приходилось мне. К счастью, леопард не причинил мне никакого вреда, если не считать потрясения, а в те времена я был человеком крепким. Но утомление сказывалось, ведь засыпать больше чем на полчаса я не осмеливался.

Наконец наступило утро, когда я окончательно выбился из сил. В маленькой палатке лежал и метался в бреду бедный Скруп, а я сидел около него, раздумывая, доживет ли он до следующего дня, и если доживет, то сколько времени еще я буду в состоянии ухаживать за ним. Я попросил кафра принести мне кофе, и едва поднес дрожащей рукой чашку к губам, как неожиданно явилась помощь...

Перед нашим лагерем росло два больших куста терновника, и вот при свете восходящего солнца я заметил между ними странную фигуру, медленно направляющуюся ко мне. Это был мужчина неопределенного возраста. Длинные волосы и борода его поседело совершенно, а лицо казалось сравнительно молодым, если не считать пары морщинок у рта. Темные глаза излучали силу и энергию. На нем были охотничьи сапоги из недубленной кожи и сильно поношенное платье, поверх которого он накинул кожаную кароссу¹, нелепо болтавшуюся на его высокой костлявой фигуре. За спиной у него висел погнутый жестяной ящик, худые руки нервно сжимали длинный посох из черно-белого дерева, называемого туземцами умцимбити, и к концу его была привязана сетка для ловли бабочек. Позади шли несколько кафров, которые несли на голове ящики.

Я сразу узнал этого человека, так как мы с ним уже встречались в Зулуленде. Тогда он спокойно появился из гущи войска туземного племени, враждебно настроенного к белым.

Джентльмен в полном смысле этого слова, он был одной из самых странных личностей во всей Южной Африке. Никто не знал, кто он и откуда (сейчас-то мне известна его невероятная история), за исключением того, что он американец по происхождению. Последнее часто выдавал его выговор. Доктор по образованию, он, судя по навыкам, имел большие познания в медицине, включая хирургию. Для всех было тайной, откуда он получал средства к существованию. Много лет он скитался по Южной и Восточной Африке, ловил бабочек, собирал цветы.

¹ Каросса — накидка из кожи или меха.

Туземцы и белые считали его сумасшедшим. Такая репутация вместе с его врачебным искусством позволяла ему спокойно бродить где вздумается, так как кафры смотрят на безумных как на вдохновенных Богом. Они звали его Догитой (искаженный вариант английского слова «доктор»). Белые звали его Братом Джоном, Дядей Сэмом, Святым Джоном. Второе прозвище он получил за свое необыкновенное сходство (когда бывал выбрит и хорошо одет) с фигурой, которая в юмористических журналах символизирует великую американскую нацию, так же как Джон Буль — Англию. Первое и третье прозвища он получил за свою доброту и предполагаемую способность питаться «акридами и диким медом». Сам же он предпочитал, чтобы его называли Братом Джоном.

Как же я обрадовался встрече, с каким облегчением вздохнул! Когда он подошел, я налил ему кофе и, вспомнив, что он любит очень сладкий, положил в кружку побольше сахара.

— Здравствуйте, Брат Джон, — сказал я, протягивая ему кофе.

— Здравствуйте, брат Аллан, — ответил он, взял кофе, опустил в него длинный палец, чтобы проверить, насколько горяч напиток, и размешать сахар, потом выпил его залпом, словно то был не кофе, а лекарственный препарат. После этого он вернул мне кружку, чтобы я снова наполнил ее.

— Все собираете жуков? — спросил я.

Брат Джон утвердительно кивнул:

— Жуков и цветы. Кроме того, веду наблюдения над человеческой натурой и чудесными творениями природы.

— Откуда вы теперь? — поинтересовался я.

— С холмов, что миль за двадцать отсюда. Покинул их вчера вечером. Шел целую ночь.

— Зачем? — удивился я, посмотрев на него.

— Почудилось, что кто-то зовет меня. Признаться, мне казалось, что это были вы, Аллан.

— Значит, вы слышали, что я здесь и что со мной раненый товарищ?

— Нет, я ничего не слышал. Я собирался отправиться к побережью сегодня утром. Но вечером, в пять минут девятого, если быть совсем точным, я получил ваше послание и направился сюда. Вот и все.

— Мое послание... — Я осекся и попросил Брата Джона показать мне свои часы. Поразительно, но они показывали то же время, что мои, с разницей лишь в две минуты. — Вы не поверите, — медленно начал я, — но вчера в пять минут девятого я впрямь просил о по-

мощи. Я решил, что товарищ мой умирает, а самого большой палец поранить угораздило. Только зывал я не к вам и не к другому человеку, понимаете, Брат Джон?

— Понимаю. Вы просили помощи, и это главное. Вы просили, и вас услышали.

Я снова посмотрел на Брата Джона, но ничего не сказал. Все это было очень странно, если только он говорил правду. Но он никогда не лгал. Человек он был в высшей степени правдивый, порой даже чересчур. А ведь есть люди, не верящие в силу молитвы.

— Что с вашим товарищем? — спросил Брат Джон.

— Изранен леопардом. Раны не заживают, кроме того, у него лихорадка. Боюсь, долго он не протянет.

— Ну, об этом вы судить не можете. Позвольте мне взглянуть на раненого.

Он внимательно осмотрел Скрупа и сделал много чудесного. Жестяной ящик был наполнен разнообразными лекарствами и хирургическими инструментами, которые Брат Джон хорошо прокипятил, прежде чем ими воспользоваться. Потом он настолько тщательно вымыл руки, что едва не стер с них кожу, истратив на это очень много мыла. Сначала бедный Чарли получил дозу какого-то лекарства, которое, казалось, убило его. Брат Джон упомянул, что это кафрское снадобье. Потом он вскрыл раны на бедре у Скрупа, очистил, приложил какие-то травы и перевязал. Когда Скруп очнулся, лекарь дал ему питья, вызвавшего сильный пот и прекратившего лихорадку.

Через два дня пациент Брата Джона просил есть и уже сидел в постели, а через неделю настолько оправился, что его можно было нести к побережью.

— Ваше послание спасло жизнь брату Чарли, — сказал мне старый бродяга на пути к побережью.

Я не ответил. Хочу пояснить: через своих кафров я уточнил, чем Брат Джон занимался, когда якобы получил послание. Видимо, следующим утром он впрямь собирался на побережье, но часа через два после заката неожиданно велел носильщикам свернуть лагерь и следовать за ним. Те повиновались и, к своему большому неудовольствию, целую ночь брели за Догитой, как они его зовут. Кафры так устали, что, если бы не боялись остаться в чужих местах, да еще в темное время суток, бросили бы поклажу и отказались идти дальше.

Насколько я разобрал, случившееся можно объяснить внушением, инстинктом или просто совпадением. Пусть читатель решает сам.

За время нашей совместной жизни в лагере, путешествия в бухту Делагоа и переезда оттуда в Дурбан мы с Братом Джоном постепенно сделались большими друзьями. О своем прошлом (о котором я узнал впоследствии) и о цели своих скитаний он, как я уже упоминал, ничего не говорил. Но зато он часто рассказывал о своих естественно-научных и этнологических (по-моему, так они называются) занятиях. Я тоже интересовался этими вопросами и из своей личной практики немало знал об африканских племенах, об их нравах и обычаях.

Брат Джон показал мне много разнообразных предметов, собранных во время недавнего путешествия, жуков и бабочек, аккуратно приколотых к донышку специальных ящиков, и большое количество сухих цветов, переложённых листами папиросной бумаги. Среди последних, по словам Брата Джона, было много орхидей.

Заметив, что они привлекают мое внимание, Брат Джон спросил, не желаю ли я посмотреть на самую замечательную орхидею в мире. Я, конечно, ответил, что желаю, после чего он достал из ящика плоский пакет размером около двух с половиной квадратных футов и начал развязывать. Сверху лежала тонкая травяная рогожка, какую плетут неподалеку от Занзибара, потом крышка упаковочного ящика, снова рогожка и несколько старых номеров «Кейп джорнал», несколько листов папиросной бумаги и, наконец, между двумя листами картона — цветок и лист одного и того же растения.

Даже в засушенном виде цветок казался чудом: двадцать четыре дюйма от края одного бокового лепестка до края другого, двадцать дюймов от верхушки до дна чашечки. Точного размера чашечки я не помню — как минимум фут в диаметре. Даже сейчас околоцветник сохранил ярко-золотистый оттенок. Чашечка была белой с черными полосами, а в самом центре цветка красовалось большое темное пятно в виде обезьяньей головы. Здесь было все: нависшие брови, глубоко поставленные глаза, сердитая полоска рта и огромные челюсти. До того времени я видел горилл только на раскрашенных иллюстрациях, и пятно на цветке показалось мне точной копией такого изображения.

— Что это? — удивленно спросил я.

— Сэр, — сказал Брат Джон (он употреблял это формальное обращение, когда волновался), — это замечательная орхидея рода *ципripедиум*, и открыл этот цветок я! Здоровое корневище такого растения стоит по меньшей мере двадцать тысяч фунтов!

— Это выгоднее золотоискательства, — заметил я. — Что же, удалось вам достать такое корневище?

— Нет, не посчастливилось, — ответил Брат Джон, печально покачивая головой.

— Откуда же у вас такой цветок?

— Я расскажу вам об этом, Аллан. Год с небольшим тому назад я пополнял свои коллекции в глухом районе острова Килва и нашел там несколько чрезвычайно интересных вещей. Милях в трехстах от океана я встретил народ, до сих пор не видевший европейцев. Это многочисленное и воинственное племя смешанной зулусской крови называло себя мазиту...

— Слышал об этом племени, — перебил я Брата Джона, — полтора столетия тому назад, незадолго до времен Сензангаконы¹, оно поселилось на севере.

— Я легко понимал их язык, — продолжал Брат Джон, — так как мазиту говорят на немного искаженном зулусском, как и другие туземцы, живущие в тех местах. Сперва они хотели убить меня, но потом раздумали, так как решили, что я безумен. Все считают меня сумасшедшим, Аллан, но это глубокое заблуждение. Скорее, большинство других людей утратило рассудок.

— Насчет вас это единичное заблуждение, — торопливо возразил я, не желая продолжать разговор о безумии Брата Джона. — Ну и что же мазиту стали делать потом?

— Потом они узнали, что я обладаю медицинскими познаниями. Ко мне явился их король Бауси, страдавший от огромной опухоли. Я рискнул сделать ему операцию и вылечил его. Затея была очень рискованная, ведь, если бы умер король, мне тоже пришлось бы умереть. Но меня это не очень беспокоило, — прибавил он со вздохом. — С этого момента меня, конечно, стали считать великим чародеем. А Бауси сделался моим кровным братом — перелил немного своей крови в мои жилы и немного моей в свои. Я опасался, как бы он не заразил меня своим врожденным недугом. Итак, я стал Бауси, и Бауси стал мной. Другими словами, я такой же, как и он, вождь мазиту и всю свою жизнь останусь таковым.

— Это может пригодиться, — задумчиво сказал я, — но, прошу, продолжайте.

— Потом я узнал, что на западной границе земли мазиту будто бы находятся большие болота, за ними есть озеро, называемое Кируа, а на озере — большой плодородный остров с горой посредине и владеет им племя понго, давшее острову название.

¹ *Сензангакона* — вождь племени зулусов, правивший в конце XVIII — начале XIX века.

— Ведь это, кажется, туземное название гориллы? — спросил я. — По крайней мере, так говорил мне один человек, бывавший на восточном побережье.

— Как вы дальше увидите, это в самом деле очень странно. Говорят, что понго — великие маги, поклоняющиеся богу-горилле или, вернее, двум богам. Другой бог у них — цветок. Кто главнее, цветок ли с обезьяньей головой или горилла, я не знаю. Вообще, я знаю о понго лишь то, что слышал от мазиту и от человека, называвшего себя вождем понго.

— Что же они говорили?

— Мазиту утверждают, что понго — демоны, пробирающиеся секретными путями на лодках через тростники и похищающие женщин и детей для принесения в жертву своим богам. Иногда понго нападают по ночам, завывая при этом, как гиены. Мужчин убивают, женщин и детей забирают в плен. Мазиту тоже хотели бы напасть на понго, да не могут. У них нет лодок, чтобы добраться до вражеского острова — если это действительно остров. Кроме того, мне рассказывали о чудесном цветке, который растет там, где живет бог-горилла. Цветку тоже поклоняются как божеству. Об этом мазиту слышали от соплеменников, сбежавших из плена понго.

— А вы не пробовали добраться до этого острова? — спросил я.

— Пробовал, Аллан. Я подходил вплотную к тростниковым зарослям у самого края большой равнины, на берегу озера. Там я провел некоторое время — ловил бабочек, собирал растения. Однажды ночью я проснулся и почувствовал, что рядом кто-то есть. В лагере я был один, так как после заката солнца никто из моих людей не желал оставаться у границы владений понго. Я выглянул из палатки и при свете заходящей луны (рассвет уже близился) увидел человека, опершегося на длинное копье с широким наконечником. Человек тот был очень высок, выше шести футов. Белый плащ ниспадал почти до земли, на голове была шапка с завязками, тоже белая, в ушах поблескивали медные или золотые кольца, на руках — браслеты из того же металла. Несмотря на темную кожу, черты лица казались слишком изящными для негроидной расы — нос не приплюснутый, губы тонкие. Этот воин скорее напоминал араба. На левой руке у него я заметил повязку. Лицо незнакомца омрачала тревога. Думаю, ему было лет пятьдесят. Он стоял столь неподвижно, что я начал гадать, не привидение ли это, из тех, что, по словам мазиту, понго посылают в их страну. Мы долго смотрели молча друг на друга, так как я решил не начинать разговора первым. Наконец он заговорил

низким, глубоким голосом на языке мазиту или на похожем языке, поскольку я легко понимал его.

«Ты зовешься Догитой, о белый господин? Ты искусный врачеватель?»

«Да, — ответил я. — А кто ты, осмелившийся пробудить меня от сна?»

«Господин! Я — Калуби, вождь племени понго, на этой земле меня уважают и почитают».

«Зачем же ты, Калуби, вождь понго, явился сюда в ночное время и один?»

«А зачем ты, белый господин, пришел сюда один?» — уклончиво ответил он.

«Что же тебе угодно?» — спросил я.

«О Догита! Я ранен и хочу, чтобы ты излечил меня». — Он посмотрел на свою перевязанную руку.

«Отложи в сторону копье и распахни плащ. Хочу убедиться, что у тебя нет ножа».

Вождь понго повиновался, отбросив копье.

«Теперь развяжи руку».

Он развязал. Я зажег спичку — казалось, огонь сильно испугал вождя, хотя он не сказал ни слова, — и при свете ее осмотрел руку. Первый сустав указательного пальца отсутствовал. Судя по культуре, прижатой и туго обвязанной травой, сустав откусили.

«Кто это сделал?» — спросил я.

«Обезьяна, — ответил он. — Ядовитая обезьяна. Отрежь мне палец, о Догита, иначе завтра я умру».

«Почему же ты, Калуби, вождь понго, не велел своим лекарям отрезать тебе палец?»

«Нет-нет, — отвечал он, покачав головой, — они не могут. Это запрещает закон. А мне самому трудно, ибо если дальше окажется черное мясо, надо будет отрезать кисть, а если и дальше будет черное мясо, надо будет отрезать всю руку».

Я сел на походный стул и задумался, ведь среди ночной тьмы оперировать невозможно. Калуби, думая, что я отклоняю его просьбу, пришел в сильное волнение.

«Помилосердствуй, белый господин, — взмолился он — не дай мне умереть. Я боюсь смерти. Жизнь тяжела, но смерть еще хуже. Если ты откажешь мне, я убью себя здесь, перед тобой, и мой призрак будет посещать тебя до тех пор, пока ты не умрешь от страха и не присоединишься ко мне. Какую плату ты хочешь? Желаете ли золота, слоновой кости или рабов? Скажи, я дам тебе все».

«Молчи», — сказал я, так как понял, что, если вождь будет много говорить, у него начнется лихорадка, которая приведет операцию к роковому исходу. По той же причине я не стал расспрашивать его о многом, что интересовало меня. Я развел огонь и начал кипятить хирургические инструменты, а Калуби подумал, что я занялся магией. Тем временем взошло солнце.

«Ну, — сказал я, — теперь покажи, насколько ты храбр».

И вот, Аллан, я сделал операцию, отрезав ему палец у самого основания, так как решил, что в его словах о яде есть доля правды. И действительно, впоследствии в ампутированной части — она хранится у меня в спирту, могу показать, — обнаружился яд. Чернота, о которой говорил Калуби, что-то вроде гангрены, распространилась почти по всему пальцу, хотя выше ткань кисти не пострадала. Вождь понго, без сомнения, был человеком мужественным. Во время операции он сидел неподвижно как скала и ни разу не поморщился. Увидев, что на месте разреза здоровая ткань, он вздохнул с большим облегчением. Когда все закончилось, он лишился чувств, но то был легкий обморок. Я дал ему немного винного спирта с водой, что подкрепило его.

«О господин Догита, — говорил он, когда я перевязывал ему руку, — на всю жизнь я твой раб. Но окажи мне еще одну услугу. В моих владениях водится ужасный дикий зверь, откусивший мне палец. Это демон. Он охотится на нас, мы его боимся. Я слышал, что у вас, белых, есть магическое оружие, которое убивает шумом. Приди на мою землю и убей того дикого зверя своим магическим оружием. Я молю тебя, приди, приди, ибо я в страхе».

Вождь действительно казался очень испуганным.

«Нет, — ответил я — я не проливаю крови. Я никого не убиваю, кроме бабочек, да и тех не так уж часто. Но если ты боишься этого зверя, почему ты не отравишь его? Вам, черным, известно много ядов».

«Без толку, без толку, — посетовал вождь. — Зверь умеет различать яды. Иные он глотает, и они не вредят ему, к иным он не прикасается. Ни один черный человек не может убить его. Нам издревле известно, что он падет только от руки белого».

«Очень странное животное...» — подозрительно начал я, уверенный, что Калуби лжет, и в этот самый момент моего слуха коснулись голоса.

Мои спутники с пением шли ко мне через высокую траву, но, по видимому, были еще далеко. Калуби тоже услышал их и вскочил.

Я выглянул из палатки и при свете заходящей луны... увидел человека, опершегося на длинное копье с широким наконечником.

«Мне надо идти, — сказал он. — Никто не должен видеть меня здесь. Но какую плату желаешь ты, о кудесник-лекарь?»

«За лечение я не беру платы, — ответил я. — Но погоди.. На вашей земле растет чудесный цветок, верно? Я хотел бы его иметь».

«Кто сказал тебе о цветке? — спросил Калуби. — Это Священный цветок, а для тебя, о белый господин, он может быть опасен. Не говори о нем, о белый господин, ибо говорить о нем для тебя рискованно. Лучше возвращайся, приведи с собой кого-нибудь способного убить зверя, и я сделаю тебя богатым. Вернись и позови Калуби из тростника, Калуби услышит твой зов и явится к тебе».

Потом он схватил свое копьё и исчез в тростнике. Больше я его никогда не видел.

— Но откуда же вы, Брат Джон, достали этот цветок?

— Однажды утром, неделю спустя, я нашел его около своей палатки в узкогорлом глиняном сосуде с водой. Я, конечно, просил Калуби прислать мне корень растения, но он, вероятно, понял, что мне нужен только цветок. Или, может быть, он не посмел выкопать растение целиком. Во всяком случае, это лучше, чем ничего.

— Почему же вы сами не отправились в страну понго и не добыли его?

— По многим причинам, Аллан. Мазиту клялись, что любого, кто увидит этот цветок, умерщвляют. Когда они слышали, что у меня есть такой цветок, то заставили уйти миль за семьдесят, к другим границам своих земель. Поэтому я решил подождать, пока не найдутся люди, согласные меня сопровождать. Если честно, Аллан, я подумал, что вы охотно взглянули бы на странного зверя, способного откусить человеку палец и испугать до смерти. Удивительно, — прибавил Брат Джон, с улыбкой поглаживая длинную седую бороду, — что вскоре после этого я встретил вас.

— Вы так обо мне подумали? — спросил я. — Брат Джон, о вас болтают всякое, но я заключаю, что рассуждаете вы здраво.

Он снова улыбнулся и погладил длинную седую бороду.

Глава II АУКЦИОННЫЙ ЗАЛ

Мне помнится, что разговор о понго, почитателях гориллы и Священного цветка, не возобновлялся вплоть до нашего приезда в мой дом в Дурбане. Туда я взял, конечно, с собою Чарльза Скрупа, туда

Хаггард Г. Р.

X 13 Священный цветок ; Чудовище по имени Хоу-Хоу ; Она и Аллан ; Сокровище озера : романы / Генри Райдер Хаггард ; пер. с англ. под ред. В. Попова и А. Ахмеровой ; пер. с англ. К. Королева, Н. Машкиной, А. Полошака. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. — 992 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-16972-2

Бесстрашный охотник Аллан Квотермейн по прозвищу Макумазан, что означает «человек, который встает после полуночи», никогда не любил сырости и чопорности родной Англии, предпочитая жаркий пыльный простор африканского вельда; его влекли неизведанные, полные опасностей земли Черного континента, где живут простодушные и жестокие, как все дети природы, люди, где бродят стада диких буйволов и рычат по ночам свирепые львы. Вот эта жизнь была по нраву Квотермейну — любимому герою замечательного писателя Генри Райдера Хаггарда (1856–1925), который посвятил отважному охотнику множество книг.

Цикл приключений Аллана Квотермейна продолжают «Священный цветок», «Чудовище по имени Хоу-Хоу», «Она и Аллан» (роман выходит в новом переводе), «Сокровище озера». Эти произведения печатаются с сохранением примечаний английских издателей. Книга иллюстрирована классическими рисунками Мориса Грайфенхагена и замечательной графикой Елены Шипицыной.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД
СВЯЩЕННЫЙ ЦВЕТОК
ЧУДОВИЩЕ ПО ИМЕНИ ХОУ-ХОУ
ОНА И АЛЛАН
СОКРОВИЩЕ ОЗЕРА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Подготовка иллюстраций
Александра Лютикова, Валерия Макарова
Корректоры Наталья Бобкова, Елена Терскова,
Светлана Федорова, Лариса Ершова

Подписано в печать 27.07.2022. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 62. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ILN-25459-01-R